

СРЕЗ

А

ГОЛОС ликующий:

— И мы в этом составе так здорово проагитировали, что встал вопрос: дать коллективу профессиональный статус...

Включил радио с полуслова и на «профессиональном статусе», честно говоря, выключил. Кто такне? Не понял. Может, какой-нибудь курс театрального института, может, какая-нибудь худсамодеятельность. Понял только, что хотят — на «госслужбу». Чтоб зарплата — независимо от успеха-неуспеха.

Да кто ж теперь этого не хочет? И учитель хочет, чтоб его жалование не зависело от щедрости родителей его учеников. И доктор — не от больших хочет получать, а от Минздрава, если же и от больших, то — сверх того, что Минздрав положит. И инженер хочет иметь вознаграждение не от заказчика, а от государства: заказчик — дело ненадежное. И киношник, который намерен снимать «по-новому», финансироваться хочет «по-старому», то есть брать от общего безымянного пирога сколько отхватишь.

До чего же щемит душу, когда думаешь в этой связи об актерах. Вот кто последний в очереди с ложкой, с самого краешка. Вот уж кому если и перепадут, то осребки.

Играть, играть!

Думали, Бастилию крушим, а сокрушили — систему госкормления. Всем стало страшно, а актерам — хуже всех. Как жутко, как искренне-безнадежно пропадали актеры! С какой рыдающей принципиальностью раскальвались театры, как громко разбежались труппы!

Нам бы социализм, чтобы сидеть на зарплате, но не сидеть в кутузке. Увы. Нету. Кто станет оплачивать театры, если зрительные залы пустыют? Я не о нашей общей бедности говорю: мы не так бедны, как кричим об этом, и деньги есть, но перетекли неизвестно куда: я говорю о структуре досуга и о том, что исчезает место театра, ниша его в системе «культурной жизни».

Когда театр процветает?

Когда «слова нельзя сказать». Когда текст несут на утверждение цензуры. Когда тот нюхает слова и фразы. Когда все зажато и заперто.

Тогда актер выходит на сцену и молчит. Держит паузу. А зал ревет от намека. К паузе цензор не прицепится. А если актер говорит дозволенные слова с такой интонацией, что смысл переворачивается? Интонацию в реестр не запишешь. Если зрительный зал, вспыхивая в ответ, чувствует, что он — зал, нечто единое, — это о чем свидетельствует?

О том, что между полюсами «интеллигентской кухни», где тайно вынашивается солидарность, и «просвещенной державы», где элита тонет в массе, возникает нечто: маленькая культурная вселенная. Театр — ячейка сопротивления энтропии. Намешек, воб-

равший в себя лавину, которая замерла.

А если лавина пошла? Если хаос энтропии вырывается в такое всеобщее словоговорение, что пауз вообще нет? Кто пойдет в маленький театр «на нашей улице» (не говоря уже о гигантском зале, где все места раскуплены гостями столицы) — когда этот самый театр доставляется тебе под нос в телеящике, и «нашей улицей» там не пахнет, а всемирная Марианна становится всероссийской Мариванной и вытесняет из отечественного сознания всякие следы собственного самointереса? А если изливается на нас из того же телеящика поток парламентского говорения, и эта игра претендует заполнить собой всю духовную жизнь сограждан?

Где в этой игровой реальности найдет себе нишу театральный актер? Кто захочет вдумываться в нюансы его переживаний? Наконец, кто ему заплатит?

Так вот что самое потрясающее: в этой безнадежной ситуации театры таки — не пустуют, студии плодятся, как мыши после мора, театральные институты ломаются от поступающих.

Ломящимся говорят: будете безработными! А они: все равно хотим!

Их ждут большие разочарования. Ненужный актер — это ж почти убийство. У писателя отвергается «текст», у архитектора — «проект», у живописца — «полотно». У актера отвергается — его существо, он сам, его кожа, глаза, голос, его попытка жить.

Так что же за сила бешеная гонит людей на подмостки?

Так я же говорю: «попытка жить».

Играть?!

Нет. Жить. Тут-то мы и попадаем в «солнечное сплетение» проблемы. У нас «жить» означает: «играть». И поэтому «играть» означает «жить».

Говорят, артистизм свойствен имперским народам. Китайцы, русские... Там, где масштаб жизни несоизмерим с масштабами индивида, — там возникает вакуум, который надо «заигрывать». Крестьянин, который пашет свой надел, не играет: он пашет. Он играет потом, после ярмарки. А вождь крестьянской партии играет. Все время. Чиновник районного масштаба — играет. Депутат... впрочем, Бог с ним.

Наша игра — восполнение нашего дурносочиненного бытия. Наша всенародная зависть к актерам — компенсация наших комплексов. Бедный хочет сыграть богатого, несчастный — счастливого. Это понятно. Девочка-лимитчица идет в самодеятельность, чтобы через сказку Гоцци вырваться из ситуации общага, где матерятся и харкают. Так и счастливый же лезет у нас на рожон, испытывает судьбу, — потому что не может как следует поверить в свое счастье. Богатого тоже тянет поплакать. Интеллигентная девочка идет в самодеятельность и играет в горьковской пьесе проститутку, чтобы вырваться из ситуации благополучия, в которое она — интуитивно — не верит. И правильно делает, что не верит.

Иррациональная действительность, нахлобученная на человека, оставляет ему замечательный способ существования: уловить правила игры и — играть, играть!

Лев АННИНСКИЙ.